

весьма компетентным в философских вопросах и в высшей степени готовым вмешаться в их обсуждение всякий раз, когда этого требовали интересы теологии* * * * *. Дискутирующие номиналисты XIV—XV веков постоянно требовали, чтобы он поддержал одного из них. Они даже использо-

вали его славу и авторитет как неопровержимый аргумент в пользу номиналистской ортодоксии. Не был ли реализм самой основой ересей Уиклифа, Яна Гуса и Иеронима Пражского, и кто обошел молчанием этих двух последних еретиков на Костанцском соборе, как не эти поборники истины, призванные Богом для защиты его дела, — Петр из Альби и Жан Жерсон? Возможно, следует все-таки добавить, что Жерсон никогда не принадлежал к номиналистам, кроме случаев, когда требовалось выступить против определенного рода реализма, или, если угодно, против тех реалистов, которые рисковали прийти к реализму Скота Эриугены, Уиклифа, Иеронима Пражского и Яна Гуса. Его внимание привлекал отнюдь не философский аспект проблемы. Жерсон прибыл не для того, чтобы предложить некую систему, но лишь целительное средство против зла, которое представляло для Церкви столкновение различных систем. Это средство заключалось не в какой-либо философии, а в определенном понятии теологии, которое, как он считал, ему удалось найти.

Болезнь, о которой идет речь, замечательно описана Жерсоном в его трактате «Пятьдесят предложений о способах обозначения» («De modis significandi propositiones quinquaginta», 1426). Эпиграфом к этому трактату взяты слова из Евангелия от Матфея: «Этот род ищет знамения» (Мф. 12:39; 16:4). Любой теолог мог сразу же дополнить текст: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка»*****. Текст выбран вовремя и соответствует истинному положению вещей, ибо «род», который был у Жерсона перед глазами, чрезвычайно жаждал знамений, но не был способен воспринимать их как должно. Бросая взгляд на свой университет, канцлер обнаруживал в нем лишь полное смешение системы знаний: каждый пользовался способом выражения, свойственным его научной дисциплине и созданным для определенного объекта, чтобы решать проблемы, поставленные другой дис-

539

7. Жан Жерсон и итоги XIV столети

циплиной и другим объектом. Он видел, что преподаватели грамматики, предмет которых — правильное построение речи, решают свои проблемы методами логики, предмет которой — истинность или ложность высказываний, тогда как преподаватели логики притязают на решение своими методами проблем метафизики — науки, которая занимается не высказываниями, а вещами; он видел, что грамматики, логики и метафизики полагают решить своими методами и проблемы теологии, как будто у этой науки нет своих собственных методов и своего собственного объекта, который есть слово Божье. Рассматривая частную проблему отношений логики и метафизики в другом трактате «О согласовании метафизики и логики» («De concordia metaphysicae cum logica»), написанном в том же 1426 г., Жерсон обнаруживает поистине удивительную проницательность, ибо то, что он хотел излечить, оказалось недугом века — двойным и осложненным пороком: исследовать логику методами метафизики, а метафизику — методами логики.

Для тех, кто хочет узнать в точности, как этот прозорливый свидетель подводил итоги XIV века, ничто не заменит двух лекций Жерсона «Против тщетного любопытства в делах веры» («Contra vanam curiositatem in negotio fidei»), первая из которых датирована 8